

— ...Реми, уже шесть. По делу Арно Дора все собрались. Я их запускаю? — прозвучал голос секретарши в селекторе.

Реми Деллье с трудом оторвал взгляд от окна, служившего ему рамой для портрета Ксюши¹. Московская поездка, так круто перевернувшая его судьбу и его душу, казалась сном. Счастье, что это не сон...

— Пусть заходят, — ответил он селектору. «...Это не сон, это — счастье», — еще успел подумать он, как дверь его кабинета распахнулась.

Они вошли все вместе и остановились у порога.

— Проходите. — Реми встал и протянул руку.

— Пьер Мишле, — ответил на рукопожатие высокий худой мужчина лет сорока восьми в дорогом костюме.

«Зять, значит, — крупный финансист и любитель антиквариата», — подумал Реми.

— Моя жена Соня, — сказал Пьер, и хрупкое, изящное создание с темными выразительными глазами томно протянуло ему узкую ладошку, которую Реми взял осторожно и невесомо. «Манерна, но очаровательна», — определил Реми.

Вслед за ней небрежно подержал его руку забавный круглолицый человечек за пятьдесят в свитере и мятых брюках:

— Вадим Арсен.

---

¹ См. роман Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче».

«Ага, знаменитый режиссер, — приклеил очередной ярлычок детектив. Он не числил себя в поклонниках его творчества, но и без его поклонения Вадим Арсен имел прочную славу одного из ведущих режиссеров французского кино. — А последний, стало быть, русский. Тоже, кажется, знаменитость». О фильмах русского он ничего сказать не мог: он их просто не видел.

Последний — статный, красивый мужчина с нахальными пушистыми усами и не менее нахальными зеленоватыми глазами — не замедлил энергично и коротко тряхнуть его руку:

— Максим Дорин.

Реми подождал, пока посетители рассаживались вокруг стола. В кресла сели Соня и ее муж: она была печальна, он — серьезен и сосредоточен, с сухим и строгим выражением лица. На софе устроились два режиссера — Реми уже привык к знаменитостям и не чувствовал трепета перед людьми искусства, который охватывал его при его первых делах в этой среде. Обе знаменитости были заняты собственными мыслями; лицо Вадима выражало крайнюю степень озабоченности и удрученности, а русский... Нет, пожалуй, только русский с любопытством разглядывал бюро детектива.

— Надо понимать, что вы его не нашли? — произнес Реми.

— Мы обзвонили, как вы посоветовали, все возможные телефоны, — ответил Пьер. — Господина Арно Дора нигде нет, никто его не видел.

— Я не ошибусь, если скажу, что Арно Дор — мастер розыгрышей?

— Не ошибетесь, — удрученно вздохнул Вадим.

— Бывало такое, что он исчезал на период запоя?

— Папа всегда прячется от меня в таких случаях... — тихо проговорила Соня.

— Ну что ж, рассказывайте. По порядку и подробно. Сегодня у нас понедельник, последний раз его видели, как я понял из нашего телефонного разговора, в субботу?

Вы, господин Арсен, снимали сцену вашего нового фильма на натуре, и Арно Дор был занят в этой сцене...
Что было до съемок?

— Перед съемками я заехал в аэропорт — встретить Максима...

— С этого и начнем. Прошу вас.

Глава 1

...Казалось бы, что такого? Ну, заехать в аэропорт, ну, встретить русского, и потом — прямиком на съемки... Но необходимость этого заезда раздражала Вадима. Сбивала с творческого настроения, с нужного ритма сбивала. Некстати этот русский, черт бы его побрал, — и нужно было ему прилетать именно в эту субботу, когда Вадиму снимать одну из важнейших сцен фильма!

Шоссе было относительно свободно, электронные табло извещали, что пробок впереди нет. День сиял, омытый трехнедельными дождями, машины мчались, гоня солнечные блики по скоростной автотрассе. Париж открывался справа в легкой розоватой дымке, увенчанный парящим над городом белым собором Сакре Кёр на Монмартре.

Вадим давно ждал — три дождливые недели ждал! — такого дня для съемок на натуре: с низким осенним солнцем, желтоватым и неярким, как старая жемчужина, и с синеющим леском в дымке раннего тумана... Натуру он нашел великолепную. Недостроенный, брошенный и уже развалившийся дом, бог знает кем и за какой надобностью возведенный у кромки леса. Сегодняшняя сцена должна была задать интонацию всему фильму, его графику, стиль, ритм — все! Это был, если хотите, камертон, ключ ко всему фильму! И теперь — этот русский.

Впрочем, винить некого. Сам вызвался. Когда из Ассоциации кинематографистов хотели послать представителя, заказать отель и обеспечить прочий сервис и почет, причитающийся лауреату Каннского фестиваля (они там уже лапки потирали в предвкушении пары-тройки рек-

ламных мероприятий с участием Максима), они с Арно в один голос завопили: «Сами встретим! Это частная поездка, это родственник визит, общественности на растерзание не отдадим!» А Арно добавил: «Никаких гостиниц, мой племянник будет жить у меня».

«Племянник. Скажите на милость! Пятая вода на киселе, и слова-то не сыщешь, чтобы определить степень их родства. Впрочем, Максим обещал привезти генеалогическое древо. Теперь вроде бы в России можно добраться до архивов, разобраться, что к чему. Тогда и посмотрим, племянник он или кто».

Досадно, что Арно не мог поехать с Вадимом в аэропорт — ему гримироваться, одеваться. Досадно. Арно бы переключил русского на себя — он обладал даром быть центром в любом обществе, общаться непринужденно со всеми и «одомашнивать», по его собственному выражению, самых чужих и чопорных гостей. Теперь вот Вадиму одному... О чем-то болтать, развлекать, спрашивать, как дела. И везти к себе на съемки — вот что хуже всего.

Он вдруг понял, что стал бояться присутствия Максима на съемочной площадке, вот так сразу, с самолета. Хотя в Каннах они расстались близкими друзьями, Вадим приглашал к себе русского на съемки, но с тех пор прошло уже больше года, и теперь Вадим ощущал, что это чужеродное присутствие будет стеснять, будет мешать — мешать в тот день, когда снимается важнейшая сцена!

Чуть было не пропустив поворот на аэропорт Шарль де Голль, Вадим взглянул на часы. Самолет должен как раз сейчас приземлиться...

«Хитришь, с кем хитришь! С собой? — подумал он вдруг. — Ни русский, ни аэропорт тут ни при чем. Просто боишься не сделать фильм. Боишься, что выдохся».

Поставив машину в паркинге аэропорта, Вадим встал у беспрестанно открывающихся и закрывающихся дверей, заглядывая в их мигающий просвет, из которого возникали пассажиры Аэрофлота. Вокруг слышалась мягкая, певучая русская речь, и это было необычно и занятно, будто он оказался за границей. Встречались раз-

лученные родители и дети, супруги и любовники, обнимались, плакали и смеялись — мир людей, живущих не в своей стране, мир виз, таможенных контролей, расставаний, телефонных звонков. Вадим поддался общему чувству волнения и радости, тревоги и ожидания — это будоражило, давало даже прилив сил, как бывает, когда сталкиваешься с теми, кто живет простыми и наиважнейшими ценностями...

«Что же, старею? — вернулся к своим мыслям Вадим. — Комплекс возраста? — Двери открылись, выплюнув очередную порцию усталых и помятых людей в руки счастливых встречающих. — Нет, нечего на себя страху нагонять. Возраст дает понимание. Меняется как бы сама структура знания: вечные истины становятся понятнее и дороже, но в них начинаешь различать столько нюансов, что боишься не вместить все в фильм. — Двери закрылись. — И в то же время боишься вместить слишком, чересчур много, боишься избыточности... — Двери открылись, и ему показалось, что в глубине коридора мелькнула высокая фигура Максима. — Необходима мера, и эту меру я должен найти, почувствовать сегодня. Все будет хорошо. Арно в отличной форме и...» — И он уже улыбался Максиму.

— ...Мы едем прямо на съемки, так получилось, снимаем сегодня...

— Погода?

— Погода.

— Дядя у тебя занят сегодня?

— Конечно. Но даю тебе две минуты на родственные поцелуи, и все. Встретишься с ним вечером, наговоришься.

Они поднялись на лифте в паркинг и погрузили нетяжелый чемодан Максима в машину.

— Почему вечером?

— Сразу после своей сцены он должен уехать к дочери, у него «родительский день». А потом он вернется — ради тебя, заметь, обычно он ночевать остается у дочери.

Они выбрались из спирали паркинга и выехали на шоссе.

— После съемок я отвезу тебя к Арно, примешь душ, отдохнешь. Я не буду вам мешать сегодня, вам есть о чем поговорить. Только, Максим, предупреждаю: ему нельзя пить. Ни капли. Ты небось водку привез?

— Угу.

— Арно даже не говори! Кстати, ты выяснил вашу степень родства?

— Да. Представь себе, он таки мой дядя. Пятиуродный. Я тебе покажу наше генеалогическое древо, я привез.

— А план сценария привез?

Максим кивнул.

— У нас леса уже облетели, — сказал он, глядя на расписную кромку леса, летевшую вдоль скоростной дороги. — Любопытно, у вас почти нет красного цвета в листьях, только желтая гамма. У нас осенью леса яркие, пурпурные...

Он замолчал, поглядывая на опрятные, ухоженные, полосатые ван-гоговские поля, взбегавшие по холмам. Многие были уже убраны, и желтые круглые рулоны плотно упакованного сена вздымались на оголившейся земле нелепыми гигантскими колесами, будто соскочившими с телеги Гаргантюа, недавно тут проезжавшего. На других полях что-то еще росло, зеленело вовсю, словно не осень стояла на дворе и будто не зима была впереди. Ничего от российской осенней печали, от раскисших дорог, от зябнувших жалких глин с мокрыми бесцветными стогами, от улетающих крикливых стай и уходящего тепла — ничего от прощания с жизнью и предсмертной тоски русской осени...

— Денек как подарок, а?

— То, что мне нужно, — отозвался Вадим.

Он покосился на русского. Веселые серые глаза, всегда с каким-то неуловимым выражением: смешливо-нахальные и простодушно-ласковые одновременно. Рыжеватые усы топорщатся в улыбке. От него веяло энергией и

беспечностью. Молодостью... «Ему все как подарок, — думал Вадим. — Склад характера? Или уверенное сознание своего таланта, дающее вкус к жизни?» То, что Вадим утратил... Максим и в фильмах своих такой — камера словно ласкает, лелеет, нежит каждую деталь. И все, до сих пор пустячное и банальное, становится событием искусства: солнечный зайчик, уместившийся в ямочку на нежном женском подбородке; бисерная россыпь капелек пота над налитым, как спелое яблоко, ртом; просвечивающее дорогим фарфором маленькое ушко; блик янтарного чая в тонкостенной фарфоровой чашке... Кадр, наполненный воздухом и светом, вобравший в себя бесконечность пространства и в то же время законченный, как картины мастеров... Он был, несомненно, романтиком, русский режиссер, и его созерцательный и чувственный романтизм самым неожиданным образом сочетался с задиристой полемичностью идей. Его публицистический пафос был Вадиму чужд и совершенно несвойствен как режиссеру; напротив, он высоко ценил в фильмах Максима то, к чему было устремлено его собственное искусство, — красоту. Ни смысл, ни мораль, ни философию — они все умещаются в понятие «красота». Такие вещи либо понимаешь, либо нет...

Поэтому-то они так быстро сблизились в Каннах, где год назад соперничали за «Пальму». Фильмы Максима вызывали в нем восхищение, прилив вдохновения и энтузиазм соперничества. «Я тебя обойду, — грозился Вадим, — увидишь...»

...Тогда, год назад, в Каннах, они сидели в ресторанчике вдвоем, далеко за полночь, сбежав от шумной фестивальной толпы, подальше от суеты Круазетт¹, от роскоши «Карлтона» и «Мажестика»². Город задыхался и плавился

---

¹ Набережная в Каннах.

² Отели на Круазетт, принимающие во время фестивалей киношную элиту.

от жары, и даже ночью плыло и потело все: актрисы в дорогих туалетах, полицейские в тесной униформе, охранявшие их от мощного натиска по-пляжному полуголых поклонников, словно слипшихся от жары в одну необъятную влажную массу, испарявшую запахи моря, пота и дезодорантов. Потела на столе холодная бутылка водки, которую заказал русский и от которой никак было невозможно уклониться. Водка к ужину? Такого с Вадимом еще не было, водка должна употребляться перед едой, на аперитив, рюмочку! За ужином вино пьют, вино! Знает ли русский, сколько здесь водка стоит?..

От жары и от водки уши Вадима сделались ярко-красными.

— Ты профессионал, — говорил он, чокаясь на русский манер уже неведомо которой рюмкой.

— Ты тоже профессионал, — отвечал Максим.

— И актеры у тебя профессионалы. Классные профессионалы, — продолжал Вадим. — Ты правильно делаешь, что работаешь с профессионалами, вы еще это не растеряли. А мы почти растеряли, школы нет, профессионализм не в цене. Мы снимаем «видовое» кино, мы подбираем смазливых девочек на улицах и крутим их мордашки перед камерой, пытаюсь придать хоть сколько-нибудь смысла их пухлым губкам и распутным глазкам... У нас играют не актеры, а камеры! Не так уж много осталось настоящих профессионалов, а новых нет и о старых забываем, — каялся он. — В Японии таким актерам дают звание «Национальное достояние», а мы... И я в том числе... Я тоже виноват, лично виноват... Есть у нас такой актер, старый друг моих родителей, я его с детства знаю и ему обязан своей профессией и даже своим именем: это он предложил назвать меня Вадимом... А как тебе нравится — имя ведь это русское? Он говорил — русское... Ну и вот, запил он. Давно уже запил, много лет назад, и никто его не снимает больше, и я тоже не снимаю, а ведь какой актер! Какой актер, знал бы ты, таких теперь нет...

Максим согласно кивал. Количество выпитой водки никак не отражалось на его лице, только глаза блестели.

— Я, значит, снимаю кино, а он, сокровище национальное, спивается, никому не нужный... Не-хо-рошо! — помотал головой Вадим. — Знаешь что? Я его в следующий фильм позову! Это грандиозная идея! Позову, непременно позову, у меня и сценарий есть — прямо для него! А я — я ведь и не подумал о нем. Забыл. Вычеркнул, скотина...

— За мной тоже такие грехи водятся, — вторил ему Максим, — тоже есть актеры, старая гвардия, и мы в долгу перед ними... Но, сказать по правде, — он поднял указательный палец, — работать с ними удовольствие относительное, весьма-а относительное: они тебя учат на съемочной площадке, как тебе твой фильм снимать... Не ты ставишь фильм, понимаешь, а они! Молод, говорят, чтобы нас учить...

— Ты увидишь, сам увидишь, что это такое! Если удастся его из запоя вывести, тогда ты увидишь... Да, собственно, ты должен его знать, ты же знаешь наше кино: Арно Доран. Знаешь?

— Что-то не соображу...

— Ну правильно, и не сообразишь. Доран — это его настоящее имя, в кино он был известен как Арно Дор. Он снимался...

— Конечно, знаю, я видел фильмы с ним...

— «Бессловесная осень»?..

— А как же!

— Помнишь его в этой сцене, где его жена...

— Классика.

— То-то и оно, классика... А я ему даже не звоню. Мог бы позвонить, хотя бы как старому другу семьи... Я его обязательно сниму в следующем фильме...

— Правильно, — кивнул Максим. — Хороший актер, с настоящей театральной школой, таких уже и у нас мало осталось... Правильно говоришь, свинья ты.

— Я разве говорил, что я свинья?

— Говорил. Только что.

— Я такого не говорил.

— Ну, скотина. Ты сказал, что ты скотина.

— Скотина — говорил. А свинья — нет.

— А что, есть разница?

Вадим задумался. Максим тоже.

— Повтори-ка мне: ты сказал — Доран? — вдруг проговорил Максим. — Настоящая фамилия Арно Дора — Доран?

— Да, но известен под именем Дор...

— Я знаю... Странно, что я об этом раньше не задумался...

— О чем? — не мог понять Вадим.

— И это он предложил назвать тебя Вадимом?

— Ну да! Что ты так заинтересовался вдруг?

— Почему он предложил назвать тебя русским именем? Это имя редкое в России, нетипичное, почему?

— Станный ты какой-то. Он находит это имя красивым. К тому же у него был какой-то в роду предок, аристократ... Он ведь аристократ у нас, Арно.

— Где?

— Что где?

— О черт, где предок был? Во Франции?

— Нет, в России. Он там на русской принцессе женился или графине, не знаю я... Ты что, знаком с кем-то из этой семьи?

— Кажется...

— Да что ты? Вот Арно будет рад! Он ведь столько времени искал своих русских родственников, но безуспешно... И кто это?

— Вадим!

— Что?

— Ну пошевели мозгами!

— Пошевелил.

— И что?

— Не знаю.

— Напиши мою фамилию по-французски.

— Ты хочешь сказать... — Глаза у Вадима сделались круглыми. — Слушай, ты что, хочешь сказать, что... А ведь правда, действительно! Я не сообразил, твою фа-